

Алексей Насп

**БОЛЬШЕ
РАЗБОРКИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Николаевич Наст

Большие разборки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33584402

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2197-3

Аннотация

Пятеро друзей ограбили мафиозных курьеров. Эти деньги позволили "подняться", нажить приличные капиталы. И вот, когда жизнь удалась, пришёл счёт: "Отдайте всё, что имеете, иначе вам смерть!". Жёсткие криминальные разборки, яркие, нервные приключения, откровенные сцены. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Второй пролог	13
глава первая	16
глава вторая	18
глава третья	28
глава четвёртая	37
глава пятая	44
глава шестая	50
глава седьмая	52
глава восьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пролог

Иван Анатольевич проснулся с головной болью – удары сердца отдавались в висках тяжёлыми толчками потоков вязкой, густой крови. Перепил вчера. Он потёр свой лоб. Точно перепил. Такое состояние при пробуждении с ним бывало лишь с похмелья. И жажда мучила невероятно. Что же он так?

Он огляделся, не шевелясь, не поднимая с головы с пышной подушки, не сбрасывая с себя серого, шерстяного пледа... Он не дома. А где он? Тут же вспомнил знаменитый случай с Борисом Ельциным. Тот сам рассказывал журналистам, находясь в Китае: «Проснулся. Не пойму: где я?!». Конечно, не поймёт, видать напился до безумия от радости, когда в Китай прилетел с визитом, что всё позабыл совершенно. Он-то пил тогда ого-го! Слава Господу, Россию не успел пропить – а дело к тому шло... Да, и Ельцин загадочно оглядел всех, посмотрел на озадаченных китайцев, и закончил: «Огляделся, и понял – я у друзей!». И все радостно засмеялись.

А вот Ивану Анатольевичу не до смеха. Он тоже у друзей – тоже вспомнил: вон, Жорик уже орёт на жену на кухне. С утра уже.

Иван Анатольевич вздохнул. Предстояло много дел сего-

дня, а он в таком разбитом состоянии. О чём думал вчера, когда Жорик успевал подливать одну за другой порции коньяка? Да разве Жорику откажешь! «Армянский коньяк! Из Еревана привезли канистру! Пей, родной! Пей! От коньяка ничего не будет плохого!»... От коньяка ничего, от его невероятного количества – бешенный стук сердца и давление под двести!

«Таблетку выпить или похмелиться?», – Иван Анатольевич уже вставал.

Опустив босые ноги на мягкий, с кучерявым ворсом ковёр белого цвета, пошевелил пальцами. На ногте большого пальца заметил желтизну. Это ещё что такое? Неужели грибок? Этому ему ещё не доставало! А где мог подцепить? Да везде – поменьше ходить надо босым в сандалиях по грязным улицам города!

Потирая виски, Иван Анатольевич встал, просунул ноги в тапки, подошёл к зеркалу – осунувшееся лицо, взлохмаченные волосы. Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива! Классик прав. А ты, Ваня, не прав. Бросай пить, бедовая головушка! Бросай! А ещё решает, что выпить: таблеток или опять алкоголя!

Вздыхнув, Иван Анатольевич покинул гостевую спальню, расположенную на втором этаже коттеджа Жорика Араяна, и пошёл на голос, вниз, на кухню.

Жорик был на кухне вместе с женой Кларой и другом, таким же толстым, весёлым армянином, каким сам являлся,

Валерой Тааяном. Люди были все взрослые, состоявшиеся, при деньгах.

Жорик спорил с женой о предстоящем банкете, который он собирался закатить в честь своего первого «ляма» – заработанного миллиона долларов США. Спорить он начал ещё вчера, а раз так кипел уже с утра – вчера не доспорил...

– Здравствуйте, друзья! – вошёл на кухню Иван Анатольевич. Кивнул Кларе. – Привет, Кларочка!

Жорик кивнул на пузатый, хрустальный графин с коньяком:

– Похмелись, Ваня. Опухший весь.

Валера смешливо хрюкнул, сидя на мягком стуле в углу комнаты.

– Да уж, – посетовал Иван Анатольевич, подошёл к кухонной стенке, взялся было за графин, но убрал руки, пояснил. – Чаю выпью...

Клара, улыбаясь, спросила Жорика:

– Так что теперь делать будем?

– Не знаю! Не знаю, Клара! Не знаю! Отстань от меня! – закричал Жорик, дёргая руками.

Клара хлопнула ладонью по столу и, со строптивым видом, ушла из кухни.

Жорик поглядел на Ивана Анатольевича, хмыкнул:

– Нервничает...

Иван Анатольевич протянул руку к электрочайнику, нажал на клавишу включения – чайник осветился внутренним

голубым светом и внутри сразу зашипела вода.

– О чём спорите сейчас? – спросил Иван Анатольевич.

– Кого звать... Артистов хотел с Голливуда, как Валерка в прошлом году...

– И? – не понял сути разногласий Иван Анатольевич.

– Что, и? Хотел молоденьких актрис там, не задорого что-бы. Юных звёздочек. Чтобы всем завидно стало. Всем друзьям. И тебе, Валерка! А Клара заругалась: как их можно в дом пускать, их всех Харви Ванштейн домогался уже! Понял?

Жорик в ярости сжал кулак и сверху похлопал ладонью.

– Вот так домогался! Все об этом говорят! Везде говорят! Всех знаменитостей домогался. Анжелину Джоли... Других. Имен не знаю – в лицо знаю... Он их всех, – Жорик снова остервенело постучал сжатый кулак ладонью. – Они теперь все в чёрной одежде ходят и признаются, как там всё было...

Иван Анатольевич ухмыльнулся.

– И что? Домогался и ладно. Сейчас его в Америке там прижали, мама не горюй!

– Мне-то что с того?

– А что? Ты тоже хотел домогаться и боишься теперь?

Валера, услышав вопрос Ивана Анатольевича, посмотрел на Жорика и загоготал, тыча в него пальцем:

– Ванштейн!

– Ты что ржёшь?! – Жорик возмутился. – Ты к себе этих всяких звёзд приглашал, ел с ними, пил с ними! Фу! К тебе

теперь зайти в дом противно! С твоей посуды как есть?! Они ему кожаную флейту все обрабатывали ртами, а потом к тебе за стол садились! Фу! Звал к себе всяких таких – секих! Давалок голливудских!

Валера добро хохотал.

Видно было, что Жорик с Валерой с утра уже приняли – в пустых бокалах на доньшках оставались следы коньяка.

Иван Анатольевич взял отключившийся чайник, налил в пузатую чашку кипятка, добавил заварки из фарфорового заварника. С тоской посмотрел на графин с коньяком. Может, всё-таки, похмелиться, а не мучить себя?

Жорик поймал его взгляд:

– Выпей, говорю! Чай потом пить будешь – дома!

– Жорик, а что ты на меня злишься? – спросил Валера. – Я тогда не знал про Ванштейна, что он там всех актрис шпилит...

Жорик повёл плечами.

– Да он уже всех там... Не тронутых не осталось... У Михалкова в «Бесогоне» смотрел, там наша Екатерина Мцeturидзе призналась – её тоже Ванштейн домогался!

– Кто такая? Актриса? – спросил Иван Анатольевич.

– Какая актриса... Ездит по фестивалям, российские фильмы представляет. Этот Ванштейн всех в голливуде от домогался, – Жорик похлопал ладонью сверху по сжатому кулаку. – Подумал: кого я ещё не домогался? А! Екатерину Мцeturидзе! И поехал специально на фестиваль, и там её

тоже домогался! По её словам. Джели домогался, и Мцетуридзе домогался... Пойми, Ваня, я же за стол теперь как их позову? Кругом уважаемые люди, а эти...

Иван Анатольевич засмеялся, попытался сделать глоток чая из чашки, обжёгся (ещё слишком горячий!), поставил чашку на стол.

– Конечно, тебе смешно, а мне как теперь? Все наши звали к себе артисток на банкеты, а я что: лысый? – Жорик выпятил нижнюю губу.

Валера засмеялся – Жорик, правда, был лысеющим.

Иван Анатольевич посоветовал:

– Ты позови не актрису, позови актёра. Выделись. Все артисток звали, а ты – мужчину из Голливуда.

Это рациональное предложение совсем возмутило Жорика:

– Что? Мужика? А у них есть мужики?! Там их всех Кевин Спейси домогался. Тоже вон признался, лечится теперь. Ванштейн женщин домогался, Спейси – мужиков. Домогался.

Жорик снова сжал кулак и похлопал его сверху ладонью.

Валера предложил:

– Выпьем?

– Наливай... Ваня, давай с нами.

– Нет. Я чай пью.

Жорик вздохнул, пожал плечами:

– Это что творится такое у них в Америке: всех домогают-

ся... Этот, Буш– старший, в коляске старик, домогался кого-то тоже. А-а, помнишь, Клинтон домогался до Моника Левински. Прямо в овальном кабинете на кожаном саксафоне играла ему...

Валера, наполнив бокалы коньяком, возразил:

– Не он домогался. Левински домогалась. Он по телефону с каким-то сенатором говорил, а она на его кожаной флейте играла. Клинтон ей всё платье забрызгал, и Левински это платье в конгресс носила, пятна показывала.

Все посмеялись.

– Будешь? Давай нальём? – спросил Жорик Ивана Анатольевича.

– Пейте... Я вчера всё выпил, что мне можно... даже больше.

– Зря себя мучаешь. Похмелись. С сердцем нельзя шутить!

– Я таблетку позже выпью, – упорствовал Иван Анатольевич.

Иван Анатольевич взял чашку с чаем, сделал глоток. Терпкий. Надо было, лучше, зелёного заварить... Предложил Жорику:

– А ты пригласи на банкет актрис не из Голливуда, из Европы пригласи, из Франции, например. Вон, Катрин Денёв выступила в защиту Ванштейна, зря, мол, его ругают.

– Кто? Денёв?! – предложение Ивана Анатольевича вызвало у Жорика новый взрыв возмущения. – Защищает! По-

нять её можно! Ты знаешь кто она? Ты видел, кого она играла? Я сам фильм смотрел, давно уже... Там у неё муж привёл домой огромного чёрного бибизяна – гаврилу... Там у них в зоопарке или в лаборатории какие-то проблемы возникли, и он привёл домой, жене сказал: «У нас пока поживёт!». На работу потом ушёл, а приходит, а эта Денёв уже в постели с гаврилом в обнимку лежит. Они уже полюбились между собой...

Жорик похлопал ладонью сверху по сжатому кулаку, вызвав смех Валеры.

Клара прокричала из коридора:

– Жорик, прекрати всякое рассказывать!

– А что?! – возмущённо заорал Жорик. – Я этот фильм лично смотрел!

Продолжил рассказ уже спокойно:

– Мужу говорит: я теперь люблю этого чёрного бибизяна и буду с ним жить!

Снова похлопал ладонью кулак.

И снова повысил голос:

– Играла обезьянью давалку. Большого ей захотелось! У гаврилы большой, вот её на габариты и потянуло!

– Ты видел, какой у «гаврилы»? – спросил Валера.

– У ишака видел. И у гаврилы такой же. Ты видел у ишака?

– У гаврилы не видел, у ишака – видел.

– Вот! А теперь защищает Ванштейна и Спейси! Мол, помогают, и хорошо! Её понять можно после таких фильмов!

Клара заглянула на кухню:

– Жорик, успокойся.

– Я спокоен. Я совершенно спокоен.

Иван Анатольевич выпил половину чая из чашки – уже был не таким горячим, сказал:

– Пойду.

– Выпей с нами! – попросил Жорик и кивнул Валере. Тот поспешил наливать.

Иван Анатольевич отказался:

– Нет, мне в радиокомитет ехать... Ладно, спасибо, поеду... Дела не ждут.

– Ваня, ты скажи, что мне делать, кого звать на банкет? Из-за проделок Ванштейна и Кевина Спейси я остался без голливудских звёзд, будь они неладны... Художника позвать какого-нибудь? У них там никто не домогается?

Иван Анатольевич пожал плечами.

– Жорик, зови кого хочешь. Везде все кого-то домогаются. Уж поверь мне. Таков мир...

Второй пролог

Иван Анатольевич взялся писать поэму « О князе Иване и татарском хане». Написано было уже сорок процентов. В поэме Русь изнемогала под тяжким татаро-монгольским игом, а богатырь Иван в таежном поместье жил в своё удовольствие и нисколько не печалился ужасной судьбой Родины:

А Иван ест, пьёт,
Девок в сласть е...т.
Дела нет до Руси ему
Подлецу...

Всё бы хорошо – поэму заранее одобрили в радиокомитете Федерального округа, известный киноактёр Леонид Фатальный согласился читать поэму в живом эфире, но всё упёрлось в слово «е...т», которое Иван Анатольевич наотрез отказался заменять на более литературное.

Больше всех кричал и возмущался директор радиоконпании Роштейн:

– Какого ...? Как я могу пропустить в эфир эту ..., я не знаю, как сказать прилично...

– Не надо прилично, – парировал Иван Анатольевич. – Надо говорить прямо : «е...т»!

– ...!!! Иван Анатольевич! Это матершина... Это бл...й е...ут!

– Девки и есть бл...и. Раньше бл...ей называли девками – девка гулящая.

– Стоп. Сегодня девять часов восемь минут утра. Я вас уважаю, как известного поэта, Иван Анатольевич, но давайте не будем, – Роштейн утомленно отмахнулся, словно отгонял муху. Он полночи, после мальчишника, охаживал двух азиаток на три вида за двадцать тысяч рубликов в час, и теперь был не в состоянии говорить на тему интима вообще. К тому же больно ныли две ссадины на члене, оставленные одной из улыбчивых шалуний и, к тихой боли, примешивались грешные мысли о возможном заражении веселой болезнью. «Вот тогда будет очень весело!», – думал Роштейн.

– Всё же, я не вижу особого криминала, если крепкое народное слово прозвучит в радиоэфире, – Иван Анатольевич доверительно воззрился на усталого директора.

– Проконсультируйтесь с Фатальным, Иван Анатольевич, он сейчас в студии. Ему читать... Интересно узнать его мнение.

Это была явная отмазка, но делать было нечего, Иван Анатольевич пошёл «консультироваться».

Фатальный, в свитере, пил крепкий чай в обществе звукооператоров, выслушав вопрос, задумался...

– Нет, Иван, так прямо я не скажу в микрофон «е...т». Я могу прочесть типа «Пошёл на хрен!» Но сказать «е...т»...

– Что вы боитесь русских слов? Любую бабу спроси, что с ней мужик делает, она без обиняков скажет: «е...т», а вы слюни распустили. Мне что, написать: «И занимался любовью с девушками, не помышляя о громадном горе в поверженной стране?». Да он пьяная скотина – он пьёт, жрёт копченную свинину и е...т б...й дворовых!

Совершенно разозлённый, в половине десятого утра, Иван Анатольевич Контенко, в прошлом лауреат госпремий и обладатель литературных грамот, выехал на такси домой – в пригородный дачный посёлок Огурцово, где у его сына Артёмки был элитный коттедж на три уровня. Артём Контенко был вялым молодым человеком тридцати четырёх лет.

«Голубь драный», – ругался в сердцах Контенко-старший на сына, когда перебирал коньяка, нисколько не стесняясь посторонних слушателей...

С этого, собственно, и началась злосчастная история, волею судеб, в которую, оказались, вовлечены многие люди, и большинство из них прервали, в ходе неё, свой жизненный путь, отнюдь не по своей воле (царство им небесное).

глава первая

Журналист Сергей Бялко, по прозвищу Серафим, искал американского миссионера отца Боуна. Ему указали шестую школу.

Из актового зала далеко вокруг по тихим коридорам разносилось бодрое пение послушников:

– Аллилуя-я-я! Ал-ли-луя-я! Али-лу-у-я-я!

Серафим бодро вошел в зал. Тут и там шептались старшеклассники, видимо, согнанные в зал принудительно. На сцене, взявшись за руки, молодые люди, пританцовывая, тянули одно и потому: «Ал-ли-луя-я!». Рядом играл ансамбль на электроинструментах.

Серафим удивлённо огляделся – проповедовать в школах строго на строго запрещено, а тут так, в открытую. Он увидел знакомого из «Федеральной газеты» Генриха Борзова. Тот сидел в первом ряду. Заметив Сергея, он замахал рукой.

Серафим подсел на свободное кресло.

– Борзов, что за бедлам?

– Спасают молодое поколение. Видишь плакат: «Отец Боун против наркомании и гомосексуализма».

– ???

– Молодые люди, принимая наркотики, теряют волю, и их вовлекают в тяжкий грех содомии... Боун говорил убедительно.

тельно.

– И где он?

– Уже ушёл. Сейчас эти допоют и конец выступлению.

На сцене началось завершающее действие – по прежнему, пританцовывая, и держась за руки, послушники, под хохот тинейджеров, задорно запели о грехе содомии:

Раз, два, три, четыре, пять!

Знает каждый кроха.

Раз, два, три, четыре, пять!

Анус – это плохо!

Фу, ужасно плохо!

Сергей невольно хрюкнул.

– Клоунада какая-то.

– Это ещё что! Ты с самим отцом пообщайся. Кстати, за-
чем он тебе?

– Редакционное задание. Борьба с наркотиками и развращенностью в молодежной среде.

– Это сейчас актуально.

глава вторая

Редактор Калашников, в окружении редакционных бездельников, стянувшихся в предвкушении развлечения в его кабинет, рассматривал документы прикомандированного к редакции стажёра из журфака. Стажер как стажер – высокий, худощавый, короткие кучеряшки волос, губищи. Но негр. Чёрный и настоящий. И это ничего – в Питере к африканцам давно привыкли, ещё со времён Петра Первого, но звали негра не совсем благозвучно.

Со вздохом сложив вчетверо направление, Калашников спросил:

– Так как тебя зовут?

– Аннус.

Редакционные бездельники стали переглядываться.

Калашников снова вздохнул.

– Аннус... Видишь ли, Аннус...

Бездельники всохотнули, Калашников хлопнул ладонью по столу, прекращая веселье:

– Тихо, а то выгоню.

Снова вздохнув, он воззрился на стажера:

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Аннус. Аннус Джонс. Родился в Ботсване. Буду газетный репортёра.

– Это я понял из твоих бумажек. Это всё ладно. Видишь, какое дело, твоё имя не совсем приемлемо для русского языка. Тебе твои сокурники намёки не делали?

– Меня звали Ан, – моргая ресницами, сказал стажёр. – Я всем говорил – Ан Джонс.

– Это другое дело, Ан.

– Ан-148, – подсказал один из пишущей братии, сидящей на стульях вокруг стола и пускающей сигаретный дым.

Стажёр стоял, переминаясь.

– Да, – согласился Калашников. – Ан, конечно, хорошо, но ты же не самолёт, – Калашников посмеялся своей не смешной шутке. – Давай, мы тебя будем звать, ну, между собой, Анисим. Аннус – Ан – Анисим. А? Хорошее имя?

– Хорошее, – покорно согласился стажёр. – Аннус – плохо, Анисим – хорошо.

– Правильно! – обрадовался редактор, а новонаречённый Анисим обнажил в улыбке белоснежные зубы, чем совершенно покорила Калашникова.

– Да, – Калашников обозрел своих редакционных архаров. – К кому его прикрепим?

Архары заскучали – возиться с молодым стажёром никому не улыбалось – стажёры вечно лезут не в своё дело, надоедают вопросами и, вообще, мешают спокойной размеренной жизни.

– Отдайте его Серафиму, – хмыкнул Воскутков. – Анисим и Серафим – благозвучное сочетание получается.

Все гадливо заулыбались, в том числе и Калашников – редакция уже второй год обсуждала на все лады негласную войну между штатным репортёром газеты Сергеем Бянко и заместителем главного редактора Владимиром Ивановичем Воскутковым.

– Хорошо, пусть будет так, – подытожил Калашников. Посмотрев на стажёра, сказал. – Кадровик тебя оформит с сегодняшнего дня, пока походи, осмотришь, скоро появится Бянко, будешь выполнять его задания, постигать науку журналистики на практике!

Как раз в это время в редакционный зал пришёл Сергей. Он бухнул сумку на свой чистый стол, устало сел в маленький катающийся стульчик с гнутой спинкой и незряче уставился перед собой. Писать про отца Боуна и его придурков было в напряг.

К нему весело подскакал Фруев – сорокалетний мужичок с длинными волосами, неопрятный и пахнувший чесноком. Его все терпели через силу, но Фруев был отменный писака, и Калашников не помышлял о расставании с этим бомжеподобным товарищем.

– Хочешь, обрадую? – спросил Фруев.

– Ну?

– Тебе подкинули стажёра.

– А-а.

– Знаешь, как зовут?

– Как?

– Анус.

– Слушай, Фруев, твои плоские шутки уже вот где. Мне эти анусы сегодня за день без тебя надоели, во как!

– Честно про стажёра говорю.

Сергей вздохнул, уселся в рабочее положение, потянул на себя ящик стола – надо писать, чёрт бы побрал, этого Боуна и его борьбу с пороками молодёжи.

– Знаешь, кто тебе стажёра всучил? – Фруев не собирался уходить, нагло усевшись на край стола. – Твой друг – Кунни.

– Тварь.

– Что?

– Тварь он, вот что, Кунни этот. У меня и так ни хрена не ладится, ещё со стажёром возись.

Сергей достал из ящика стола потёртый, выдавший вида, редакционный ноутбук, болезненно щурясь, воззрился на осветившийся зелёный экран. Хотя, чего ждать от Воскуткова, кроме гадостей – вражде и негласной войне между ним и Воскутковым причиной был сам Сергей.

Сергей учился на журфаке, а Воскутков был доцентом, в этом же университете, и всё было хорошо – никто никому не мешал. Но однажды, некая восемнадцатилетняя особа, поступившая на первый курс журфака и получившая полную свободу от родительской опеки (родители остались в далекой карельской деревне), возжелала всяческого порока и быстрого грехопадения. Родители для юной студентки снимали комнату в трехкомнатной квартире, где жили бухари, и Юля

(так звали первокурсницу), дала в газету объявление: «Девушка 18/180/72 ищет любовника для сеансов куннилингуса. Комната есть». Бывалый павиан Воскутков, наткнувшись на такое заманчивое объявление, шанса своего не упустил – он отправил письмо до востребования, и вскоре встреча состоялась. Воскутков неприятно поразился, узнав в любительнице куннилингуса свою студентку. Но делать нечего – девушка была аппетитная, а Воскуткова терзали бесы низменных желаний. Дело, к обоюдному удовольствию, прошло как нельзя лучше. Воскутков сделал требуемое, а Юлька отдалась бурно и страстно. Всю ночь дома, в супружеской постели, рядом с посапывающей супругой, Воскутков радостно и нервно вспоминал недавние подвиги. Днём Воскутков продолжал радоваться как ребёнок – здорово ему повезло с этой Юлькой. В дальнейшем ему не составит труда склонить её к новым и новым «сеансам», благо, она всегда рядом – на вверенном ему факультете.

Но Юлька была трепло. Обычно девки, если даже много и со всеми подряд, держали о своих подвигах язык за зубами. Но Юлька разнесла всем. Закатывая глаза, она томно говорила: «Владимир Иванович делал мне умопомрачительный куннилингус. Это что-то!». День, два – весь университет только и говорил, что об умении Воскуткова здорово работать языком. Студенты толкали друг друга локтями и говорили, указывая на проходившего мимо Воскуткова: «Смотри, смотри, Куннилингус идёт!». После прозвище сократили

до дипломатично звучащего Кунни, но все то знали полный титул доцента.

В уважаемом всеми вузе такого скандала потерпеть не могли – Юльку отчислили, а Воскуткова попросили «по собственному желанию».

Воскутков лихо устроился в газету к Калашникову и сразу, из-за своего крутого резюме (доцент, светило журналистики), получил должность заместителя редактора. Жить бы ему тут и радоваться, да судьба послала в эту газету окончившего курс Сергея Бянка. Сергея рекомендовал друг отца – шишка из Ленсовета, потому Сергею сразу дали штатную должность репортёра, стол и прозвище Серафим. А Сергей рассказал оболтусам-репортёрам об истинной сущности нового зама. Воскутков с ужасом понял, что и здесь он отныне будет проходить под кличкой «Вовка Куннилингус, он же Кунни» и всем новым людям редакционные бездельники будут рассказывать его греховную историю.

Сергей усмехнулся, отщелкав на клавиатуре : «Отец Бон», – есть за что Воскуткову ненавидеть его, болтливое Серафима. Ну и хрен с ним, с Куннилингусом, он ему за стажёра не спустит, отомстит в удобный момент. А, вообще, Юлька была барышня спелая! Ей бы Сергей сам с удовольствием сделал куннилингус.

Через плечо в экран ноутбука заглянул Калашников.

– Пишешь про отца?

– Юрий Палыч, – сбросил оцепенение Сергей. – Начал пи-

сать. Говорил с ним сегодня. Мутный он тип.

– Что ж теперь, время сейчас такое, все мы мутные, кристально чистых не сыскать. С Боуном ладно, есть другое задание, более срочное. Надо взять интервью у поэта Контенко – на его сына десять минут назад совершено покушение. Я Любку Головину отправил в больницу – разузнать, жив он или уже того... Поговори со стариком. А мы завтра с утра шарахнем с первой полосы: «Это политическое убийство! – говорит о гибели своего сына известный поэт Иван Контенко». А?

– Ещё не известно, может, он не умрёт.

– К утру будет видно, но статья должна быть готова. Поезжай к поэту. И возьми стажёра. Он здесь где-то. Анисим. Ан! Эй, Фруев, негритёнок не ушел?

– В туалете он.

– Уяснил, Серёжа? Бери стажёра, и дуйте к Контенко. Я звонил ему, он в загородном доме, вас примет. Про сына он ещё ничего не знает – я не стал его вводить в курс дела, а то он в больницу уедет, к сынку...

– Наверное, из больницы ему уже сообщили.

– Нет, он, после нашего разговора, собирался идти гулять. Он мне сказал – я уже одетый, выхожу в лес, пройтись, через час-полтора вернусь.

Калашников сжал кулак, поднёс к лицу Сергея:

– Чтобы взял интервью у старика! – и быстро скрылся в своём кабинете.

Сергей зло отстукал на клавиатуре: «враг гомосексуалистов». Получилось: «Отец Боун – враг гомосексуалистов». Хмыкнув, Сергей захлопнул ноутбук. Конечно, это шутка и он эту фразу потом сотрёт. С такими «отцами» и всякими «меньшинствами» требовалось вести себя тактично, иначе останешься кругом виноватым, с костями схрумкают.

Фруев подвёл к Сергею застенчивого стажёра. Да, только с сыном Африки ему не хватало для полного счастья по городу ходить. Сергей без интузиазма протянул стажёру руку для пожатия.

– Сергей Бялко. Серафим.

– Анисим, – белозубо отозвался стажёр, расплываясь в подкупающей улыбке.

– Фруев сказал, тебя зовут Анус.

– Можно Анус.

– Добрый ты. Знаешь, что главный велел? Нам с тобой ехать к поэту Контенко. Возьмём у него интервью. Ты на машине?

– Нет. У меня нет машина.

Сергей выгрузил из своей сумки блокноты с заготовками интервью и статьи об отце Боуне, с подозрением посмотрел на Фруева – у того была дурная привычка рыться в чужих бумагах, но прятать материалы в стол не стал – хочет, пусть читает эту лабуду. Обняв стажёра за плечо, Сергей увлёк его к выходу.

– Я в фильмах всегда видел – приходит стажер и уже на

личной машине, круто упакованный, с айпадом. Есть айпад?

– Нет.

– Мобильник-то у тебя есть?

– Нет.

– И у меня нет. Нищие какие-то мы с тобой. А почему у тебя нет ни машины, ни мобильного?

Стажёр, виновато улыбаясь, пожал плечами. Сергей нахмурился.

– Ты что, не торгуешь наркотиками?

– Нет.

– Твои земляки все торгуют.

– Я не торгую.

– Ха-ха-ха. Я шучу. Юмор это. Пойдём. Что надулся? Не понял юмора?

Когда Сергей покинул редакционный зал, взъерошенный Калашников выглянул из-за лакированной двери кабинета.

– Бяно ушёл?

– Ушёл.

– Что же делать? Совсем не подумал. Мне в вечерний блок край надо вогнать его статью об отце Боуне.

– Он материалы про Боуна на столе оставил, – отозвался Фруев.

– Фруев, друг, обработай их.

– Серёга не обидится?

– За это не волнуйся.

Через полчаса Фруев принёс Калашникову на подпись го-

товую статью. Редактор подписал её не глядя.

Когда статья попала на стол зама Воскуткова, тот обалдел:

– Фруев, ты с ума сошёл?

– А что?

– Заголовок: «Отец Боун – враг гомосексуалистов».

– Бянка сам этот заголовок придумал, я только обработал материал.

– Так это Бянка... Тогда другое дело. Фруев, надо твою подпись убрать.

– Пятьдесят процентов статьи – моя работа.

– Я тебе дам пятьдесят рублей за твои пятьдесят процентов. Вот, возьми, а всю славу оставим Серафиму.

Оставшись один в кабинете, Воскутков самодовольно потёр руки – суперскандальное название статьи принесет врагу Серафиму порядочные неприятности...

глава третья

В дачный посёлок, где был коттедж Контенко, добирались на автобусе. Стажёр, озябнув, жался к холодному запотевшему окну, постоянно поддегивал поднятый воротник кожаной куртки, дул пухлые губы. Сергею было не холодно. Он задирает стажёра двусмысленными шутками и вопросами, от которых Анисим терялся.

– Ты заставляешь меня краснеть.

– Ты можешь краснеть?

Анисим шутке Сергея не засмеялся. Пришлось пояснить.

– В анекдоте так говорили крокодилу: «Как ты можешь краснеть, если ты зелёный?».

– Он был зелёный или чёрный?

– Он был зелёный. По жизни. В Гринпис состоял.

– А-а.

– Что, а? Ты же ни черта не понял из моих слов, – Сергей стал заводиться от невосприимчивости стажёра к игре слов в русской речи. – Ты почему на журналиста в России учился?

– Русский литература очень классный.

– Английский литература тоже классный.

– Я не знаю английский язык.

– О-о, впервые вижу африканца, который не знает английского, но знает русский. На родине ты как изъяснялся? У вас

там официальный язык – английский.

– Официальный, да, но не все знают официальный язык, все говорил на родной речь.

– Откуда ты знаешь русский язык?

– Папа учился здесь, в Петербурге. Тогда город назывался Ленинград. Знаешь это?

– Ха-ха-ха. Я это знаю – сто процентов. Я это помню. Я восемьдесят процентов прожитой жизни прожил в Ленинграде.

– Ага.

– Анисим, ну какой ты Анисим? Ты – Анус. Это твоё реальное имя – по жизни.

– Зови меня Ан. Меня все звали Ан.

– Почему?

– Аннус – слишком длинно.

– Слушай, Ан, у тебя мама – русская?

– Зачем русская? Такая же, как папа – негр.

– Ты мне нравишься, Ан. Давай обсудим ход предстоящего интервью. Я буду спрашивать поэта, ты – следить, чтобы диктофон работал.

– Можно, я задам некоторый вопрос ему?

– Ты знаешь, кто такой Контенко?

– Нет.

– Что же ты спросишь?

– Спросить я знаю, я журналист.

– Не спрашивай только: голубой ли он?

– Он голубой?

Сергей радостно заржал – Анисим был, как неразумный ребёнок.

– Он убьёт тебя. У него сын – голубой.

– Гей?

– Ну, это ваши зарубежные штучки – гей. По-русски их зовут – гомосек. Ну, а когда мужики выпьют или злятся – п...р, а когда в тюрьме сидят – петух.

– Петух – это куриный самец?

– Анус, не пиши статьи на русском языке!

Коттедж, в глубине огороженного забором леса, не произвёл на Сергея впечатления – жильё середнячка. Старик Контенко уже был в доме и не выказывал беспокойства, из чего следовало, что он ещё не знал о несчастье с сыном.

– Здравствуйте, Иван Анатольевич.

– Проходите, молодые люди. Ага! Агентство Молодая Африка.

– Нет. Мы работаем в одной газета, – заявил Аннус.

– Вопросов нет, но, прошу показать ваши удостоверения.

Для порядка.

Сергей протянул Контенко удостоверение сотрудника редакции.

– Мой удостоверения нет. Забыл, – нагло солгал Анисим – у него не могло быть никакого удостоверения.

– Хватит и одного. Да, всё верно. Я говорил по телефону с вашим редактором насчёт интервью. Проходите в гостиную.

Что вас интересует? Думаю, моя скандальная поэма. Сейчас о ней много говорят. Ха-ха-ха. Поэма ещё не закончена, а наделала много шума. Скандал, друзья мои, сильнейшая реклама.

Контенко опустился в одно из мягких кресел, призывно обвёл рукой, видимо, таким образом предлагая присаживаться. Сергей и Анисим покорно заняли места на диване. Анисим включил диктофон. Контенко заулыбался, ожидая вопросов.

Сергей поднял глаза к потолку. Как бы быстро свести разговор к сыну поэта. Не хотелось мусолить творческие планы и прочую стихотворную чепуху.

– Скажите мне! – первым прервал тишину Аннус.

– Да, – Контенко изобразил внимание.

– Почему вас зажимают?

– Кто-о?

– Вы говорили о свой новый поэма и сказаль...

– Вы про «Князя Ивана»? Да, вы правы, меня зажимают невежды, те, кто боится исконного народного русского языка. А я пишу стихи народным языком.

– Как Пушкин?

– Вы знаете Пушкина?

– Он был африканец, – засветил белозубую улыбку Аннус.

Контенко рассмеялся. Сергей гневно зыркнул на стажёра и тут же вставил наводящий на главную тему вопрос:

– Может, ваше творчество не находит выхода к аудитории

из-за политических игр? Ваш сын...

– А что мой сын?! – напрягся Контенко.

– Ну-у, он скандальная личность. Его дружба с авторитетом Мулатовым...

– Не знаю, из каких источников вы получили информацию о Мулатове. Они были друзьями, далее я в их отношения не лез, что и как, но когда Мулатова убили, Артём очень переживал. Как человек, он не мог оставаться безучастным к смерти друга ... А убили Мулатова позавчера, прямо на улице.

Сергей сидел, обалдело глядя перед собой – вот так новость – убили Мулатова, одного из знаменитейших районных бандитов, а Сергей узнаёт об этом только через день, и никто в редакции об этом не обмолвился – не газета, а кусок навоза – такую информацию пропустили... А он-то рассчитывал обработать ответы Контенко и подать в статье покушение на сына поэта, как подкоп под бандита Мулатова. Бандита только вперёд убили.

Тут Сергея обожгла догадка – сын Контенко мог быть случайным свидетелем убийства Мулатова. Вот это тема! Можно крутую статью накатать! Это да! Его статью перепечатают более крупные газеты. Нет, надо сразу, через голову редактора Калашникова, кинуть статью в какую-нибудь супергазету... В ту же «Федеральную» – они любят разоблачительные статьи печатать, а у Сергея в «Федеральной» полно знакомых.

Вихрь мыслей пронесся в голове за доли секунды. Сергей уже открыл рот, чтобы более ласковым вопросом усыпить бдительность поэта, а потом задать ещё один вопрос о сыне, но тут зазвонил телефон.

Все вздрогнули. Контенко и Аннус – от неожиданности, а Сергей от знания – звонили из больницы и сейчас интервью прервётся.

– Извините, – поэт поднялся с кресла, пошёл элегантно походкой в другой конец зала.

Интересно, умер уже его сын в больнице или ещё жив? На стажёра Сергей бросил суровый взгляд (на всякий случай).

– Да... да...

Контенко стоял спиной к журналистам. Сергей не мог видеть выражения лица поэта. Секунды тянулись... Что говорили старику?

– Спасибо. Еду.

Опустив трубку на аппарат, Контенко, не оборачиваясь, вышел из зала. Сергей, неожиданно для себя, вскочил и побежал за ним и понял почему – он опишет в своей статье первую реакцию известного поэта на столь роковое известие – покушение на сына. Надо было видеть его лицо.

Вылетев в коридор, Сергей наткнулся на крупнотелую глыбу Контенко. Он стоял и смотрел перед собой. Конечно, он был потрясён.

– Иван Анатольевич, что-то стряслось?

Контенко незряче впёр свой взгляд в лицо Сергея.

– Вы знали о моём сыне?

– Ничего, – с готовностью солгал Сергей. – Что с ним?

Контенко расслабился.

– Несчастье. Он в больнице. Автокатастрофа. Ничего конкретного мне не сказали. Но он жив!

– Вы туда?

– Да. Немедленно. Посему, прошу прощения, интервью отменяется.

– Я поеду с вами.

– Зачем?

– Я журналист!

– Молодой человек, надо быть не просто журналистом, нужна ещё элементарная порядочность.

Они оба вернулись в зал. Анисим, подозрительно быстро, отошёл от шкафов с книгами и сувенирными статуэтками.

– Будем говорить дальше? – преувеличенно бодро спросил он, потянувшись к лежащему на диване диктофону.

– Нет. Мы уходим, – сказал Сергей.

От коттеджа Контенко Сергей и Анисим шли молча. Не далеко от автобусной остановки их обогнал «фольксваген» новой модели – Контенко, лично восседая за рулём, помчался в больницу.

Да, сын старика был не просто другом Мулатова. Не спраста кричал пьяный поэт в радиокомитете о другой ориентации сына. На гонорары от поэм такой машины не купишь. Артём Контенко здорово расслаблял Мулатова пассивными

ласками, раз раскрутил бандита на такую дорогую иномарку.

А кто был другом Мулатова, так это артист Навоков. Сергей лично знал Навокова и от него знал о дружбе того с Мулатовым. От него же знал и об «отношениях» Артёма Контенко с бандитом.

Следовало ехать к Навокову и переговорить с ним. Как говорится, требовалось ковать железо, пока было горячо.

– Едем!

– Куда? – очнулся от своих дум Аннус.

– Есть один человек, – Сергей нетерпеливо оглядел дорогу – пассажирского транспорта не наблюдалось. Стояло одно такси у продуктового киоска, но на такси не было денег. – Человек есть, и ехать к нему надо прямо сейчас. Только не на чем.

Сергей ощущал в мозгу жгучие позывы – хотелось побыстрее всё узнать и сочно расписать в статье. Он уже представлял её: сначала интервью с отцом Артёма Контенко, авторский комментарий, потом несколько фраз Навокова о Мулатове, опять авторский комментарий, потом ещё чьи-нибудь слова по теме.

– Едем на такси, – сказал стажёр.

– Откуда у тебя деньги?

Аннус, белозубо улыбаясь, вдруг вытащил из кармана брюк согнутые пополам доллары – полусотни и десятки.

– Нашёл.

– Ты поэта обворовал?

– Не хороший шутка.

– Я всегда зло шучу. Едем!

Столковавшись с таксистом об оплате проезда валютой, помчались в город искать Навокова.

глава четвёртая

Навоков был высоким толстяком с выпученными глазами и жалобно сложенными пухлыми губами. Сергей относился к нему с презрительной иронией, но окончательно обидеть не желал – не ему, Сергею Бянку, судить – каждый живёт, как может, и как хочет. Скорее, всё-таки, как может – хотим мы все жить только хорошо, а хорошо не всегда получается. Вот и Навокову, не смотря на природную холеность, стать знаменитым не удавалось. В театре его зажимали, давая мелкие второсортные роли, зато очень часто звали озвучивать мультфильмы – он очень похоже выводил своими пухлыми губами жужжание мух и жуков. Но везде платили мало.

Супруга Навокова, устав терпеть нужду, выгнала актёра, оставшись с дочерью-школьницей, и зарабатывала на хлеб с маслом фасовщицей в супермаркете, в свободное время убирая подъезды. Дочь помогала. Муж же, артист Навоков, не нашёл иного выхода, как переселиться к своей теще. Тёща женщина была добрая и, прожив с ней бок о бок в её однокомнатной квартире месяц, Навоков склонил пожилую даму к плотскому греху. Расточая любимой теще интимные ласки, Навоков немного расслабился – тёща зятевскую зарплату не требовала, а, наоборот, делила пенсию на двоих. Но иногда Навоков грустил.

ней!

– Шутишь всё.

– Какие могут быть шутки. Ну, веди в буфет... Что заскучал? Платить буду я, хоть ты мне и должен пятьдесят рублей.

– Мог бы забыть про пятьдесят рублей.

– Не дождешься. Разговор к тебе есть, а я знаю, что во время приёма пищи, ты говоришь охотнее.

– Это точно.

– Знакомься – это Анисим, мой стажёр.

Навоков благосклонно пожал руку Анисима. Предстоящее угощение настроило артиста на благостный лад, он выпер вперёд большой круглый живот и запустил руки в карманы цветной жилетки.

– Не жадный ты до денег, Серёжа.

– Не жадный, потому такой же нищий, как ты. А у тебя будь деньги, я уверен, ты бы их зажал. Долг ведь мне не вернёшь никогда.

Навоков скромно прихрюкнул.

– Сам это знаешь. Мог уже успокоиться и не вспоминать о долге.

– Нет. Денег не верну, так хоть удовольствие поимею, унижая за эту пятидесятку.

Навоков скромно пожал плечами, мол, как знаешь.

В буфете мультстудии уселись вокруг круглого столика. Тощий высокий буфетчик, он же официант и уборщик со столов (артисты и мультхудожники имели грех живописно

свинячить), не спрашивая, принёс тарелку с колбасной нарезкой и хлеб.

– Кофе или спиртное? – спросил он, водрузив в центре столика принесённое.

Сергей кивнул Навокову. Тот жадно сглотнул. Ага, нужда артиста здорово прижала – сголодался по алкоголю. Сергей закатил глаза.

– Понял, – оживился буфетчик. – По двести граммов коньяку каждому.

– Икру дайте, – подал голос Анисим.

– Только красная, – сказал буфетчик.

Навоков убрал с лица благодущие.

– Сдаётся мне, вы при деньгах.

– Не надо намёков, Навоков, в долг не получишь. У тебя плохой кредитный рейтинг. Но, – Сергей мотнул головой Анисиму, тот достал из кармана десятидолларовую бумажку. – Ответишь на вопросы – баксы твои.

– Согласен.

Буфетчик принёс три стопки, графин с коньяком и тарелку бутербродов с красной икрой. Навоков торопливо наполнил стопки коричневой искристой влагой. Выпили.

Пропихнув в рот бутерброд, Навоков, откинувшись на спинку стульчика, проглотил закуску и, достав из кармана жилетки пачку дешёвых сигарет, с удовольствием закурил. Пуская дым, поведал:

– Не люблю, когда на улице бабы курят. Думают, что это

красиво, а у меня ассоциации возникают, что это продажные женщины... Ещё не люблю, когда девки наравне с мужиками хлещут.

Сергей снова наполнил стопки.

– Ещё по одной. Для куражу.

Выпили. Навоков, отведя руку с сигаретой, проглотил ещё один бутерброд с икрой.

– Торопишься жить, Навоков, – прокомментировал Сергей. – Ладно, долой лирику. Расскажи, Паша, о Мулатове.

– О Мулатове? Зачем тебе?

– Мулатова убили позавчера. А сегодня покушались на Артёма Контенко. Сына поэта Контенко. Думаю, он уже умер. Артём был гомиком и «дружил» с Мулатовым. Есть мысль – Артёма замочили, потому что он знал, кто «сделал» Мулатова.

– Ты сыщик?

– Я журналист – носитель правды.

– Я не убивал Мулатова.

– Верю. Но ты был его приятелем. Пил с ним на халяву. На рыбалку ездил.

– Что я могу рассказать?

– То, что меня может заинтересовать.

Навоков задумался, докурив сигарету. Потушив в блюде с остатками бутербродов окурок, сказал медленно:

– У Мулатова был друг – земляк (Мулатов ведь из Лесорецка), они даже вроде из одного двора, учились в одной

школе. Маранков...

– Фамилия знакомая.

– Он здесь в Питере йогуртами торговал. Помнишь рекламу – йогурты от Маранкова.

Сергей ощутил прилив тёплой волны – кровь стукнула в виски. Маранкова убили неделю назад, прямо посреди улицы, когда машина затормозила перед светофором – к авто подошёл прохожий в куртке и надвинутой на глаза кепке, и спокойно бросил в салон, через открытое окно, ручную гранату – водитель, охранник и Маранков погибли мгновенно. А перед этим был скандал – у Маранкова похитили жену, требуя какие-то деньги, якобы, им украденные. Тёмная, запутанная история.

Сергей, налив всем коньяка, выпил первым.

– Мулатов после смерти Маранкова был сам не свой. Как-то в разговоре со мной, он обронил фразу, мол, у него и его друзей начались неприятности, пришла ударная волна из прошлого, – Навоков поднял стопку, посмотрел сквозь коньяк на свет. – У Мулатова был здесь друг фээсбэшник... Мулатов очень надеялся на него.

– Как зовут друга?

– Не знаю.

– Ещё что?

– Всё.

– Ты очень помог мне, Паша.

– Доллары мои?

– Может, ещё что скажешь?

– Нет. Итак, сказал много на десять долларов. С вами журналистами связываться опасно...

На улице был ветер. Покинув мультстудию, побрели к остановке.

– Что дальше? – спросил Анисим.

– Поговорим с вдовой Маранкова. Она должна знать, кто тот фээсбэшник, на которого надеялся Мулатов.

– Почему?

– Подозреваю. Мулатов и Маранков – одна шайка, раз земляки. Кого-то они кинули, в своё время, а теперь их нашли и запрессовали.

– Фээсбэшник знает заказчиков?

– Анисим, старайся слова правильно выговаривать. Поясню тебе, как неразумному стажеру – да, фээсбэшник может знать заказчиков.

– Он нам скажет?

– Не думаю. Он нас на хрен пошлёт.

– Зачем тогда фээсбэшник?

– Для полноты картины. Он нас пошлёт, а мы вёрнемся и принудим его поделиться с нами правдой.

– Как?

– Не знаю.

глава пятая

К вдове Маранкова, Сергея с Аннусом не пустили – после памятного похищения, а затем и смерти мужа, тридцатитрехлетняя Алина Маранкова жила затворницей в своём шикарном особняке. Сергей тщетно объяснял амбалам-охранникам, что он журналист и ведёт журналистское расследование, что разговор с вдовой поможет ему отделить правду от вымыслов, муслируемых жёлтой прессой вокруг гибели известного бизнесмена.

– Ничем не могу помочь, – жуя жвачку, пророкотал охранник, возвышаясь исполинской глыбой мускулов в отлично сшитом костюме. – Алины нет дома.

– А где она?

– Она нам не докладывает.

Сергей знал, что охранники лгут. Отходя от калитки, он нарочито громко заявил:

– Я имею информацию, что убийства Маранкова и его друга Мулатова связаны между собой! Я это точно знаю!

– Иди, иди. Не ори тут, – нахмурился охранник.

Сергей заметил, как занавеска на окне второго этажа качнулась и, за тюлью, очертился силуэт Алины Маранковой.

Аннус тянул Сергея прочь от особняка.

– Ты что молоть?! Тебя убить за такой слова!

Сергей дёрнул рукой, освобождаясь от цепкой пятерни стажёра.

– Не убьют. Надо привлечь внимание.

– Пойдём, – пугливо ёжился стажёр.

– Анус, какой ты журналист? Ты всего боишься!

– Я не боюсь. Я осторожный. Ум надо, – Анисим постучал себя пальцем по лбу. – Все газеты полон историй про мафию.

Вернулись в редакцию усталые. Не позволив выпить по стакану кофе, Калашников погнал обратно:

– Езжайте к Контенко!

– Мы были у него! – раздраженно взвился Сергей. Паршивое настроение, укрепившиеся от неудачи у дома Алины Маранковой, прорвалась на главного редактора.

Калашников спокойно вынес свирепый взгляд Сергея, подмигнул стажеру.

– Мне Контенко звонил недавно. Его сын умер.

– И что дальше?

– Ты был у Алины Маранковой, Серёжа?

– Был.

– Зачем? – Калашников растянул рот резиновой улыбкой.

Эдакая принужденная улыбка папы-редактора.

– Есть связь между смертью сына поэта, смертью бандита Мулатова и смертью предпринимателя Маранкова...

– Короче, поэт желает тебя видеть... Ему Алина позвонила о твоём визите.

– Не было никакого визита. Нас к ней не пустили.

Калашников демонстративно стряхнул с ушей «лапшу».

– Расскажи, вон, ему... Вечером жду развёрнутое интервью с поэтом, завтра пустим его в тираж: «Что думает о смерти сына поэт Контенко?»».

Сергей сел за свой стол, напряженно забарабанил пальцами. Ясно одно – Алина была накоротке со стариком поэтом. Значит, она услышала фразу, которую для неё громко прокричал Сергей о связи смерти её мужа и гибели Мулатова. Она утешала старика по телефону и сказала о словах Сергея... Сомнений не оставалось – все троё погибших погибли по одной причине. Но какой?

Сергей посмотрел на Анисима.

– Едем к поэту!

– Опять?! – Аннус поразился.

– Не опять, а снова. Старик сам нас зовёт.

– Я не ехать, – заупрямился Анисим.

– С чего это? Передумал быть журналистом?

– Он вызывать нас из-за денег!

– Каких денег?

– Этих, – Анисим достал из кармана согнутые пополам доллары. – Там лежал на полке. Я взял...

– Ты вправду их украл? – Сергей поразился, что мерзкая выходка Аннуса его совсем не возмутила – ну, украл деньги и украл – это же Анус, дитя природы – увидел деньги и взял, не задумываясь, что они чужие. Если бы Фруев украл, то да! А ещё лучше, чтобы так низко пал Куннинлингус, ему бы не

было пощады. Сергей вздохнул. – Что же теперь делать будешь, дурень?

– Отдай их ты.

– Поэт решит, что я вор. А вор ты. Ты взял, ты и возвращай.

– Он меня в тюрьму садить!

– Не хочешь в тюрьму?

– Нет.

– Подонок ты, Анисим. Всё равно, поехали к поэту. Надо с ним переговорить о смерти его сына.

Сергей легко вскочил с низкого стульчика и стремительно пошёл к выходу из редакционного зала. Аннус еле поспевал.

– Что такой подонок?

– Это я тебя так ругаю.

– Надо запомнить.

– Ты много русских ругательств знаешь?

– О-о. Много... Что же делать деньги?

– Вернуть их нельзя. Выкинуть – глупо. Вручить нищему – ещё глупее. Поедем на них на такси.

– Там много для такси.

– Хватит на несколько дней.

Такси теснились перед площадью, до которой пешком было минут десять ходу. Решили пойти дворами, чтобы сократить дорогу.

В первой же подворотне Сергей получил ослепляющий удар в лицо какой-то тряпкой. Он присел от неожиданности.

Следом взвыл и Аннус – он рухнул на асфальт рядом с мусорными ящиками.

Тряся головой, Сергей проморгался и чётко увидел перед собой ствол пистолета с глушителем. Высокий мускулистый мужик в легкой куртке собирался выстрелить.

– Охренел?!?! – заорал Сергей, наполняясь ужасом – вот она, близкая и неожиданная смерть. За что? Кто этот подонок? Грабитель?

– Заткнись, – пророкотал верзила.

Ещё мгновение и смерть! Но, словно в замедленном кино, голова его дёрнулась, переламывая шею назад – прямо в рот, под зубы, верзиле вонзилась тонкая стальная водопроводная труба, словно короткое копьё, пущенное могучей рукой. Секунда, и верзила рухнул на асфальт, завалившись на бок – изо рта потекла красная тягучая кровь.

Сергей испугано ощерился.

Аннус, тяжело дыша, стоял, сжимая и разжимая кулаки.

– Ты убил его!!! – заорал Сергей.

Аннуса передёрнуло.

– Ты желать умереть сам?!

Кряхтя, Сергей поднялся, выпрямился. Анисим деловито отёр носовым платком трубу, торчащую в глотке поверженного преступника, затем попытался вырвать из цепких пальцев пистолет с глушителем, но это ему не удалось, и он тоже протёр пистолет платком.

– Ты рецидивист. Ты убил человека и спокоен, – в панике,

истерично взвизгивая, заговорил Сергей. Он был раздавлен навалившимся на него ужасом. Он ещё не мог сообразить, что случившееся не было сном, и он находился в доле секунды от смерти.

– Дома я часто метать копьё в антилоп, – пояснил Анисим, дергая Сергея за рукав. – Надо бежать, пока нас не заметил из окон здешний жилец.

Сергей покорно пошёл за стажёром.

– Боже мой... Ты вор и убийца. Анус! Ты вор и убийца!

– Всё твой слова. Я же говорил – за такой слова, какой ты кричал у дома вдова, убивать. И чуть не убил – меня и тебя!

Сергей мотнул головой. Всё казалось неправдой, наваждением. Они просто шли через подворотни, шли по своим делам...

Анисим подвёл его к одной из раскрашенных рекламными лейблами «волг», открыл дверцу и втокнул на заднее сидение. Сам сел спереди.

– Куда едем? – весело осклабился шофёр.

Аннус сердито свёл брови.

– Прямо.

– А деньги у тебя есть, африканец?

– Есть. Много... Я не африканец.

– Ты же чёрный.

– Папа – шахтёр. На мне угольный пыль.

– Ха-ха-ха. Молодец. Уважаю весёлых людей.

глава шестая

Старик Контенко, совершенно спокойный, словно смерть сына была ему абсолютно безразлична, долго смотрел на Сергея.

Сергей сидел в мягком глубоком кресле напротив старика и чувствовал себя крайне неудобно. Происшествие в подворотне не могло отпустить его сознания. Тело Сергея было напряжено так, что мускулы ныли от боли, а ноги нервно подрагивали. Сергей уже ничего не хотел – ни разгромной статьи, ни правды о смертях, ни этого спокойного лица поэта.

– Послушайте, Серёжа, вы правда знаете о связи всех этих страшных происшествий между собой? Вы знаете, кто стоит за этим?

Голос старика вернул Сергея к действительности.

Аннус, подозрительно затихнув, стоял перед стеллажом с книгами и листал какую-то брошюру. Решил вернуть деньги по тихому. Убийца. А ведь он спас Сергея, этот охотник на антилоп.

– Да, это так, – хрипло произнёс Сергей. Будь, что будет – пусть все думают, что он в курсе страшных тайн. Поздно отступать. Даже, если он откажется, его всё равно грохнут. А так, блефуя своей осведомлённостью, можно побороться за жизнь. – У меня есть информация. Но, Иван Анатольевич,

многое надо основательно проверить, подтвердить документально. Мне нужна абсолютная правда. Когда у меня на руках будут все свидетельства, я пушу информацию в печать.

– Абсолютная правда... Она всем нужна, Сережа, – старик вздохнул. Он вдруг скривился, словно от зубной боли – маска спокойствия лопнула и перед Сергеем открылось подлинное лицо страдающего человека. Поэт сказал, медленно подбирая слова. – Мой сын... он был... плохой... человек. Но я хочу знать, что люди, забравшие его у меня, они... на этом всё у них кончится. Серёжа, я звонил одному человеку – вот его визитная карточка, возьмите её... Он встретится с вами и многое расскажет. Вы поможете мне, ему, всем нам... Происходит что-то страшное, Серёжа...

глава седьмая

Волкашин в родном городе не был семь лет. После армии пошёл служить в ФСБ, сразу же был переведён в Санкт-Петербург и, с той поры, его старые кореша ни сном, ни духом не ведали о его существовании. И вот неожиданно появился. Всего на трое суток – выкроил время, взял срочный отпуск за свой счёт, якобы по причине недомогания, скакнул в самолёт и теперь сидел в прокуренной комнате общежития шестого комбината сборного железобетона. Здесь ютился со своей женой Алик Горохов. Уже лысоватый, с лицом, изрезанном морщинами – тяжелый труд на формовке железобетонных плит и регулярное пьянство, кого хочешь состарят раньше времени. А было Горохову всего тридцать пять. Как и Волкашину.

Юрик Волкашин считал себя неудачником – всего лишь капитан, дальнейших перспектив по службе ноль. Денег тоже ноль. Жильё не предвиделось – ютился в комнате ведомственной общаги. Про семью можно было не заикаться – какая семейная жизнь, при его рабочей загрузке и бытовых условиях? Ещё не много, и жизнь окончательно улетит мусорным пакетом на свалку не сложившейся судьбы. Как у всех его друзей юности: Антона Мулатова, Бори Маранкова, Веньки Азарова, Олега Сысоева.

Все они выросли в одном дворе, окружённом хрущёвскими пятиэтажками. Вместе пакостили, вместе дрались с пацанами из соседних дворов. Старухи – соседки предрекали им тюремные нары и скорую гибель от блатной финки. Только бандитов из них не получилось – покуролесили в семнадцать лет, после благополучно отслужили в армии и жили на гражданке честно – кто как мог. Волкашин ушёл в госбезопасность. Алик Горохов (человек, в общем, ограниченный) мыкался по стройкам, пока не нашёл пристанище в общежитии комбината ЖБИ. Олег Сысоев служил в милиции одно время, но за алчность был уволен и перебивался охранником на автостоянке – вкалывать он терпеть не мог, пусть мало платят, лишь бы балду валять. Он днём и ночью ходил в своей камуфляжной форме с замусоленными локтями, и мечтал устроиться в пожарную часть – сутки дежуришь, трое – дома.

Венька Азаров, профессиональный водила, несколько раз влетал по глупому – то машину чужую разобьёт, то груз попортит в дороге, а, как устроился в автобусный парк, так вообще забыл, что такое деньги – там кормили в столовой обедами и обещаниями погасить долги. Озлобился Венька, из семьи ушёл, в карты стал играть на деньги (проигрывать).

Борька Маранков на рынке печеньем торговал, но как-то неудачно. Он много чем пытался торговать: шмотьём, рыбой, видеотехникой, теперь вот печеньем, но братва местная давила через чур поборами, да менты, да администрация рынка – всем кушать хотелось. Зарабатывал он, как нор-

мальный рабочий на заводе, не больше. На заводе за такие деньги хлопот мало – работай да зарплату жди. А ему и по соплям частенькой рэкетире стучали, и менты товар отбирали в наглую, и по поездам он маялся с сумками, по барахолкам в чужих городах, только другой профессии он себе уже не представлял – тридцать пять лет не двадцать, заново переучиваться, перестраиваться не всякому под силу. Антон Мулатов, как был дворовой шелупонью, им и остался. Воровать не воровал, но постоянно отирался по пивным, обирал пьяных, курил травку, задирали в своей пятиэтажке соседских мужиков.

Волкашин долил остатки водки в стаканы, обвёл взглядом своих кошерей юности, ухмыльнулся:

– Другого шанса подняться у вас не будет. Утоните в дерьме.

– Погрязем, – поправил его Мулатов.

– Вы и так в дерьме, погрязли по самые уши.

– А ты самый крутой, – подколот Вениамин.

Волкашин снова ухмыльнулся.

– Лучший из худших.

Помолчали.

Все курили, осоловело глядя перед собой. Дым сигарет уходил к потолку. В маленькой комнатке было душно и смрадно. Усталые, потные мужики тоскливо перерабатывали отвердевшими мозгами предложение дружка юности, и каждый в душе вылеплял отрицательный ответ. Если бы это

он предложил лет семь-восемь назад, когда в мозгах сперма бурлила, а в венах кипела кровь. А теперь...

– Повторяю снова... Областная ОПГ бешеные бабки снимает с фирм.

– Везде так, – вставил Маранков.

– Согласен, что везде, – Волкашин чокнулся своим стаканом с грудой остальных стаканов, стоявших на застеленном клеёнкой столе, залпом выпив водку, похожую на бензин, долго дышал носом, пережидая, когда исчезнет вкус алкоголя в глотке. – Это бизнес. Большой бизнес. А чтобы заниматься бизнесом, надо платить. Все платят. У всех есть крыша. И у фирмачей, и у бандитов. Раз в месяц ваш известный держало города везёт в Москву чемодан денег. Наше питерское управление, совместно с москвичами, заготовило показательную операцию.

– Альбертика возьмут? – спросил Маранков, по роду своей базарной жизни знавший поименно всех городских авторитетов.

– Да. Деньги, какие он повезёт... Короче, в Москве уже решено, что этот взнос в общак конфискуют. Братва смирилась с этой потерей – надо, значит, надо. Только ваши местные ещё не знают, что их отдали на «заклание».

– Мудрено говоришь.

– Мудро не мудро, Алик, а прилетел я к вам только по тому, что ещё помню, какими вы были пацанами.

– Какими? – Горохов грустно скрёб лысину.

– Крутыми.

– Я и сейчас крутой. Хе-хе-хе, – пьяный Мулатов развязано рассмеялся.

Волкашин презрительно хмыкнул.

Мулатов, отсмеявшись, вдруг посмотрел трезвыми глазами.

– Нас братва передавит, как клопов.

– Жить хочется?

– Кому не хочется? Какая бы не была – жизнь, есть жизнь.

– А говоришь, что крутой. Я такой куш предлагаю... Деньги повезут завтра. Отобьём их нагло, перед зданием аэровокзала. Этого никто не ждёт. По сто пятьдесят тысяч на брата. Таких денег никто из вас не заработает. И я не заработаю. Их можно только взять гоп-стопом!

Волкашин помолчал.

– Отсюда сегодня уже никто не выйдет. Завтра с утра берём деньги и, как крысы, в разные стороны.

– Нас быстро вычислят и перережут, – хрипло сказал Олег Сысоев.

– У тебя на руках будут приличные бабки! Не тупи! Купишь себе новый паспорт, заживёшь новой жизнью.

Венька Азаров залпом выпил свою порцию водки, брякнул стаканом об стол, стакан чуть не раскололся.

– Пьяный базар.

– Я не шучу, Веня.

– Никто из нас в это не полезет... Явился, после стольких

лет... план у него... Не пошел бы ты на хрен, Юрок!

глава восьмая

Сергей сидел в удобном массивном кресле, но чувствовал себя не в своей тарелке. Роскошное убранство элитной квартиры, обрюзгший, пресыщенный жизнью мужчина в кресле напротив, в строгом халате поверх английского костюма, испуганный Аннус на диване, амбалы-телохранители в соседней комнате – как тут не занервничаешь. Но Вениамин Сергеевич Азаров, преуспевший в этой жизни бизнесмен, говорил тихо, движения его были плавные, словно он очень устал и не хотел себя утруждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.